

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИСТОРИКОВ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

NATIONAL COMMITTEE OF HISTORIANS
OF THE SOVIET UNION

X Международный конгресс
по экономической истории

10th International Economic History Congress,
Leuven, 1990

V. V. ALEKSEEV

THE DEVELOPMENT OF SIBERIA: HISTORICAL
EXPERIENCE AND THE PRESENT

В. В. АЛЕКСЕЕВ

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Свердловск - 1990

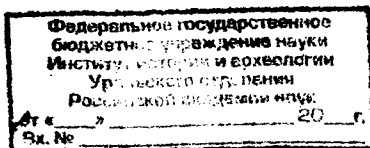
Sverdlovsk - 1990

**THE DEVELOPMENT OF SIBERIA: HISTORICAL
EXPERIENCE AND THE PRESENT.**

In our dynamic 20th century the remote areas of our planet acquire more and more significance against a background of the world events. They actively appear on the historical proscenium. Unlike the epoch of great geographical discoveries we are not surprised at their remote position, they come into an everyday life of many people at the territories that have been lived in long ago. People get oil, gas, metals, even nobel ones, wood and furs and sometimes simply pure water from these territories. Global human problems are interwoven more closely with regional problems.

One knows quite well about their economic, political and strategic role, but their socio-economic development has been investigated badly. While, the greater dependence of population in civilized countries on the raw materials and power supply from the newly developing regions puts forward the task of their thorough investigation, the aim of which is to predict their prospects. Moreover, the intensive involvement of these regions in economic cycle, as a rule in extreme environmental conditions, demands the generalization of their historical experience and exchange between the countries concerned.

This work is done badly yet. In general, from our point of view, historical experience is investigated not so fruitfully as it may be, not only with material from the newly developing regions, but with many other problems too. It is often indented with historical knowledge, but it doesn't always coincide. These categories have one basis in natural process, but they

suppose different approaches to its comprehension and different results of investigation. Historical experience may be regarded as a part of historical knowledge, appreciation of the past towards the next development and its results as viewed from the modern social experience. In reality, historical experience is continuity of knowledges and skills of generation, which has been selected, analysed and applied for practical tasks of the society at present.

This approach allows to regard a historical situation not only as a fact, but as complex interconnection between the possibility and reality, in other words, to investigate the objectively created during the historical process alternative variants of social development. Historical experience seldom gives a completed solution of vital problems of the present. And still less it has a ready-made formula or possibility to compare directly the past and the present. Thus, generalization of historical experience means not so much the drawing of direct parallels or reproduction of social reality models of the past, as the use of analogy of positive and negative ways for the solution of the problem. The one, which we consider to be of no importance today from the viewpoint of historical experience, may become actual tomorrow. Hence, the boundaries of historical experience study are quite mobile and the results received - relative, but if we don't take them into a consideration, it'll be difficult to choose the right way for future. Moreover, historical experience may perform a predictional function if you understand rightly the interconnection between the past, the present and the future.

The main premises of the investigation and use of historical experience in functioning of large socio-economic communities is the localization in time and space of their components, which has a great importance for making theoretical models of regional development. From the viewpoint of historical experience of newly developing regions, the Northern Asia, more precisely - Siberia, gives a unique material. Having a territory of 10 mln km², it makes a quarter of this vast continent. This is a region of severe climate, rich natural resources and high industrial development. Its development has a long, hard and instructive history.

You can't find in historical literature an exact meaning of the term "new development". More often, it means the development of previously backward regions. But one can't limit yourself with this. It is more correctly to say that "new development" is the development of the region and its preservation under certain jurisdiction, all-round investigation, intensive involvement into economic cycle of natural resources, its settlement and cultural innovations.

What territory can be regarded as developed one? You can't find a simple answer to this question. It depends on the size of the territory, period of time and level of its development. The development of Belgium and Denmark territories is not the same as the territories of the USA and the USSR in different historical periods. Today we may consider the American West to be developed. Despite its vast territory, it has highly developed economy now and is settled expediently. And what about the Siberia? It is developed to a certain extent and according to some indices it even surpasses the American West. But this may be said only about some regions - Kuzbass, Bratsk and Ust-Ilimsk territorial and productive complex and some other industrial "knots", whose territories surpass the territories of some states. Meanwhile, there are a lot of large areas, which are untapped by the modern civilization.

To appreciate objectively the level of any development, one has to make its classification. Historical experience of new regional development shows, that many of them passed successively through 3 stages: the stage of craft, agricultural and industrial ones. Naturally, on different historical stages, and nowadays too, we can observe a mixture of these stages, but, as a rule, one is the most typical for a certain period. From the viewpoint of density of economic development and settlement we may distinguish two types: all-round and local. More often local ones turn into all-round, but it is not always so. In some quite remote and difficult-to-reach areas the poles of economic activities remain to be isolated.

The aim of this paper is to analyse the main features of historical experience of Siberian development, a large and intensive developing region of the USSR, and concentrate your attention

on the events of the 20th century as they have influenced this process greatly.

The object of the study may be indentified with the history of formation, developmen and utilization of social potential of the region, in other words, the scope of resources, possibilities and means, which belong to society and are used for its reproduction and development. Because of insufficient volume of the text, it isn't possible to divide the potential specified into its constituents and give their detailed description.

The subject of the analysis is a social activity and social practice of region's development, which means correlation of goals and results of activities, the optimum of concrete choice of development and ways of its realization and of the degree of their adequacy to urgent social needs. Such definition of the subject makes it possible to regard the aim of the paper as a retrospective analysis of main objective laws in formation of historical experience of Siberian development, the activity of society in formation, development and utilization of social potential of the region. This implies the solution of the following research tasks.

First, the revealing of internal and foreign political needs of the regional development. Second, the description of the process of understanding these needs, the choice of goals, means and ways of their achievement. Third, the study of main activities directions of the development and the appraisal of its results.

The development of Siberia, widely speaking, or its colonization, began at the end of the 16th century, when it had become a part of Russia. For four centuries, reasons and consequences of that process changed several times; the same concerned the means and ways of reaching the goal, the activities of the society on their realization, but at the same time some general objective laws were seen. They were positive and negative. And they should be taken into account for dealing with modern and future social practice, not only in Northern Asia, but in other newly developing regions of the world.

The need of the Siberian development depended on domestic and foreign circumstances, but, unlike other newly developing regions of the world and Russia particularly, internal political

reasons prevailed. Undoubtedly, one of the first impulses towards the Siberian development was the need to protect the eastern boundaries of the state from the Siberian Khanate of Kuchum, which was a splinter of Tartar-Mongolian Golden Horde. Later, the Russian eastern boundaries, along the Siberian territory, had to be defended from China and Japan. Russia itself served sometimes as a base for eastern expansion. In the middle of the 18th century the Russian pioneers had reached the Northern American coast and settled it. There was even an idea to make the Pacific Ocean as the inner Russian sea. At the end of the 19th century Russia invaded Manchzhuria. But not only those single and short-lived precedents determined the Siberian development. The main reason was the utilization of its natural resources, at first - furs, then - rich stones and land, and at present - raw materials and energetic resources. In the 40-50s of the 17th century average annual sable hunting was 145 thousand. Furs formed 20 % of the state budget. But little by little the amount of fur-animals became less and the role of fur in budget decreased. But nevertheless, Siberia remained the greatest world supplier of furs. According to the data of the world exhibition in Vienna (1910), it had 2/5 costs in the world fur productin.

Fertile lands of Siberia were good for grain crops and cattle-breeding. By the end of the 17th century average annual grain harvest was 4 million "puds" (1 "pud" = 16,4 kg). As the crop areas were increased and agricultural practice became more developed, the Siberian peasantry not only satisfied the needs of local population in grain, but formed a reserve for its export. At the beginning of the 20th century 20 million "puds" were exported annually. The proportion of cattles per capita in Siberia was two times, and in some products, three times more than in Russia.

From the old times the main reason for Siberian development was to take the richness of its bowels. At first attention was concentrated on the rich stones production. At the first half of the 19th century only single Altai mining district produced silver more than England, France, Switzerland, Prussia and Belgium all together. The Silver Age was replaced by the Golden one. In the

middle of the 19th century the average annual gold production in Siberia was nearly 1,5 thousand "puds". At the end of the age it produced 90 % of the Russian gold. In the 20th century, mainly in its second half, attention was concentrated on the raw material and power production in a large scale. Siberia became one of the main suppliers of ferrous and non-ferrous metal minerals, coal, gas and wood. But fuel-power complex received the greatest development. At present this region gives 2/3 of all-union and 1/5 of world oil and gas production.

Despite the priority of internal state needs in Siberian development, the foreign policy played also a great role. In the 17th century and later, the Siberian furs had a great significance in the foreign trade and diplomacy. In the 19-20th centuries the Siberian gold and silver played an important part in the payment of war expenses of the Russian Empire. At the boundary of the 19th and 20th centuries transport development of Siberia got a foreign-policy focus, that was connected with the construction of Trans-Siberian railway, which played a great role in Russian-Japanese war.

In the 20th century the industrial development of Siberia received more expressed foreign-policy accent. From the 30s, when the relations of the USSR with Germany in the west and Japan in the east became sharper, Siberia acquired a role of an inner fortress of the Soviet power. The most exciting example was the construction of Ural-Kuznetsk combine, which produced the most of armaments and strategic materials for the Soviet war economy during the World War II.

The war became a catalyst of economic development of the region. Its share in the all-union investments raised from 7% in 1940 up to 18% in 1942. In the year of 1942, a severe and crucial one for the country's fate, Siberia produced 1/3 of all-union pig iron production, over 1,4 of steel and rollings, 1/2 of coke and 1/3 of manganese, and, together with the Urals, the total volume of such valuable kinds of production. On the whole during the war industrial production in Western Siberia increased 3 times and in Eastern Siberia - 1,5 times. It was mainly due to military-production branches and heavy industry. Only one of the Siberian aircraft factories made 15.000 airplanes or each tenth of all the

Soviet aircrafts during the war time. As a comparison we may note that the USA and England supplied the USSR with 18.000 planes during the World War II.

During the Cold War, when the USSR tried to get a strategic parity with the USA, the Soviet economy, which worked with great efforts, got the main part of its resources from Siberia. The production of ferrous and non-ferrous metals increased greatly. Power- and chemical industries received intensive development. There was a large extraction of diamonds, which played a great role in increasing the currency income. The greater importance had the export of Siberian oil and gas. It is difficult to put all this into concrete and reliable figures now, but it's quite clear, that enormous Siberian resources influenced greatly the elaboration and realization of the Soviet foreign policy. It showed itself clearly during the world energy crisis in the early 70s, at the time of Persian Gulf crisis, and in connection with huge deliveries of the Siberian gas to Europe. We can't determine quite definitely the place of Siberia within the world economic relations, if we don't take into consideration its raw materials and ready-made products supplies to the countries of the Third World.

Together with the Soviet-American confrontation, the situation in the Asian-Pacific region influenced the process of Siberian development too, especially the relations with China. At first, when those relations were friendly, nothing prevented the development of the USSR eastern regions, moreover, joint projects were planned, for example, the construction of a hydro-electric power station on the Amur. As the relations became sharper, two opposite tendencies appeared. From one side, the Mao government put forward the claims on Siberian and Far Eastern lands, so the process of their industrial and transport development and settlement was accelerated. The construction of Baikal-Amur railway facilitated that development, although that construction and other projects had appeared long before the world learned the name of Mao Tsze-dun and they were the results of internal needs of the state. From the other side, a large amount of means, needed for strengthening of the Soviet-Chinese boundary, didn't promote the development of the USSR eastern territories. Thus, that process was going hard and with great obstacles.

Retrospective analysis of interection between domestic and foreign needs for Siberian development shows, that the first prevailed, but they were always aggravated by the second, which led to great outlays. The lesson of great importance for historical experience study, concerning the determination of needs for Siberian development, is that development went more often against a confrontation background, than economic co-operation, and when it was in that way, it led to a paradox. At the beginning of the 20th century Russia got for the Siberian butter more gold than it was extracted in Siberian mines, which stimulated that production, but at the end of the age large currency influx for Siberian hydrocarbons didn't promote the economic development, of agriculture particularly, and even led to its decline due to unprecedented import of grain.

The realization of needs to develop Siberia, the choice of goals, means and ways of their achievement depended greatly on the tasks which faced the society at specific historical periods, its possibilities and the extent to which that region had been investigated, but in connection with specialization of the region they often coincided in many cases. The process of awaring the needs to develop Siberia was different in various strata of the society. The ruling classes and the state organizations took into account the need for extension of the country's territory, strengthening the country's defenses, expansion of internal and foreign market. The common people saw the eastward exodus as the way to freedom. It's interesting, that despite the changes in socio-economic modes that kind of polarization preserved during the whole history of Siberian development.

On the first stage of the development, the government, seeking for the eastern boundaries security, seized without any difficulties large areas, which belonged to nobody, except small disunited tribes. During the first three quarters of the age, when a movement across the Urals took place, the government moved the eastern Russian boundaries more than 7.000 km aside, or $3/4$ of the distance between the capital and the eastern boundary. That process was so rapid, that the government officials didn't have time to comprehend it.

In time it became clear, that there was no opportunity to hold

those lands by force of arms, as they were too vast and too far from the metropolis. The need of their settlement and economic development became a question of vital importance. The future fate of Siberia was closely connected with the development of the Russian market. The region played different roles at the market according to its conditions, but finally, it depended on import of ready-made goods and export of raw materials.

When the Soviet power was established, there was an attempt to reorganize the Siberian part in social labour division. The starting point of that process was the concept of rational allocation of productive forces and levelling of economic development of formerly backward areas. Successively approaching the goal, as a result of the views' struggle among the representatives of supreme levels of power, scientific discussions and massive propaganda, this concept had made certain results. In public consciousness the idea became strong that natural resources of the region allowed to build a powerful industrial base there, which would make the region not a raw materials appendage of the centre, but a flourishing, harmonically developed economic region. In that field important success was achieved, but it was insufficient to overcome the raw material character of the regional economy and achieve harmonical development of Siberia.

At present under new political thinking, certain steps are taken towards reorganization of ways of regional development. It is a question of harmonization of extractive and manufacturing industries, production and social infra-structure, relations between countries of Asian-Pacific region, substitution of political and economic confrontation by international co-operation in the field of Siberian resources use.

The people carried from generation to generation an idea that Siberia was a severe region, but a land of plenty, where any possibilities would be realized and where one would achieve great economic, political and intellectual freedom. The first to see it were the Cossacks, freedom-loving and resolute people, often in conflict with the law and official authorities in the European part of the country. They were followed by trappers, then by peasants in search of land and freedom, who escaped from landowner's

bondage. They became the main force of the Siberian development. As the minerals were being discovered businessmen and craftsmen comprehended the perspective of that development. That process had its rises and falls, sometimes it acquired a form of "golden" or some other fever. Siberia attracted people of independent opinions, who did not agree with official and religious doctrine. Intellectuals and religious fanatics were sent there in accordance or against their will. As a striking example we may note "raskolniks" or "dissenters". All that taken together became a foundation for realization of free Siberian colonization in the 17-19th centuries.

Did that process take place in the 20th century, especially after the socialist revolution in Russia, too? At first sight we see that under conditions of a total state it couldn't be. In reality, the interest of the people to Siberia remained. During the revolution and the Civil War thousands of people moved there. They didn't agree with a new regime and wanted to hide themselves in the wilds of taiga. At the beginning of the 20s many refugees from starving regions of Central Russia lived there. At the time of industrialization tens of thousand people arrived to Siberian construction sites, moved by romanticism of a new life or run away from violent collectivization. During World War II hundreds of thousand people found their shelter from fascist invasion in Siberia, working for victory. After the War, when the mass building of industrial enterprises began, it was the beginning of a new epoch of "virgin lands". Millions of people, especially young people, were enthusiastic about Siberia and striving for good earnings and dwellings. They wanted to make their own way of life and hide themselves from bureaucratic and even political oppression. Not only the workers and the peasants, but intelligentsia went there too. Scientists founded the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, one of the outstanding centres of science.

The choice of goals of any development depends on needs and possibilities of the society at certain historical period, but their realization depends on the validity of this choice.

It's not possible to study the mechanism of the choice and realization of the goal for many centuries in one paper. So we

confine ourselves to the most important three spheres: military-strategic, economic and spiritual. The urgent aim of any development is to consolidate the position of areas newly conquered or peacefully united. It was actual during the whole history of Siberian development, but it manifested itself in specific forms, corresponding to concrete situation. To clarify this problem we must divide the goals to real and unreal. Despite the most difficult situations at some periods, Russia took in its hands Siberian territories over four hundred years. It was due to some geographical, political and economic reasons. The goal was quite real. But as soon it crossed the boundary of reality, it failed. It was a failure to extend the Russian territory up to the American continent in the 18th - the first half of the 19th centuries, to China - at the end of the 19th century.

In the field of economy the original goal was to get more furs. It was thoroughly performed in well-considered forms. Then the next goal came up to supply the region with food products. The realization of that task made it possible not only to supply the local inhabitants but also to export in large amounts bread, butter and meat. In the 20th century a new goal appeared. It was the industrial development. That goal was realized in four large national programmes - Ural-Kuznetsk, Angaro-Enisey, Western-Siberian (oil and gas) and Baikal-Amur. The opinion struggle around these programmes, determination of priorities and mechanism of their realization and its results demand a thorough consideration.

Now it's a time to put forward a question of goals of spiritual development of the region. Those aims were closely connected with ideologies of different periods: up to 1917 - with the Christianity, later - with the Communism. When the people of Siberia took the Christian faith, it submitted them not only to the state religion and concerning power structures, but acquainted them with higher cultural values, which was rather progressive for that time. The Communist ideology developed an idea of social and national equality, proletarian internationalism, which had a great significance under conditions of extreme difficulties of the large-scale development of multinational Siberia during the Soviet period.

The ways of any development, in a vast meaning of this word, are conditionally divided into two large groups: voluntary and forced. It depends on the way which the territory has been added and the ways of drawing the labour force. Siberia joined Russia both voluntarily and violently. The first penetration of Russian Cossacks to the Western Siberia met a strong resistance of the Siberian Khanate. The Eastern Siberia was added nearly without any resistance. The feature of the Siberian colonization was in the fact that there, not like in many other parts of the world, the natives hadn't been exterminated and assimilated or enclosed to the reservations. It wasn't necessary, due to a large amount of free lands. Besides, the native people were the main suppliers of furs and their long experience in this field should be appreciated.

At first the settlement of Siberia was carried out by "servicing people" and free farmers. Up to the beginning of the 17th century the number of the Russian population reached 300,000 people, which was equal to the number of aboriginals. Later the population of the region was reinforced mainly by voluntary migration of different kinds. Only from 1906 to 1917 about 4 million people arrived there, but it didn't mean that all they went to Siberia only of their free will. Up to the beginning of the 20th century there were about 250,000 exiles. They were engaged with the most difficult work. The tsar's exile played an important role in the development of the region.

In the 20th century the process of the Siberian settlement was sharply intensified. At the second half of the 20s about 1 million of landstarved peasants from the central part of the USSR came there. In the 30s, when industrialization began, the flow of settlers grew several times. Between the census of 1926 and 1939 the population of the region grew more than a quarter. That process was influenced by World War II. Over 3 million people or 1/5 of all inhabitants of Siberia before the fascists invasion came to the front. The flow of refugees from occupied territories of the country was coming towards them. To the beginning of 1943 about 1 million of evacuated people came there, but at the end of the War they nearly all returned home. Finally, the War didn't promote the growth

of population in Siberia.

Speaking about the voluntary flow of people behind the Urals we must not forget about prisoners. Already at the end of 1932 in Kolyma region there were 10 thousand forced labourers, and up to the beginning of 1939 they grew to 117 thousand, mainly in account of political prisoners. At the beginning of 1937 the number of camp prisoners, who had a usual "everyday life" clauses, came up to 48%, but at the beginning of 1938 that number was reduced to 12%. When the War began, the number was 148 thousand (for January, I, 1942), but at its end it became 90 thousand (for January, I, 1945). From 1949 the number began to grow. By report of Dalstroy NKVD USSR (for April, I, 1953) there were 145 thousand people in corrective labour camps. In December 1953 in Khabarovsk region over 52 thousand people served a sentence convicted for counter-revolutionary crimes, in Irkutsk region - 47 thousand, in Krasnoyarsk region - 33 thousand, in Omsk region - 15 thousand and in Kemerovo region - 8 thousand. Besides, 30 thousand people were sent to exile to the Krasnoyarsk region and 4 thousand - to the Novosibirsk region. The forced labour played a certain role in the development of the eastern regions, especially those being difficult to reach and with severe climate. But we should remember that labour has been used mainly in mining and logging industry, in construction and so on. The most of factories, plants and enterprises used the labour of voluntary people. So the forced labour didn't play (before the October Revolution or after it) a leading role in the development of the eastern territories of the state.

During their history people got much knowledge about the ways of economic development, but it's not possible to consider them properly in our paper. Thus, primarily, we dwell upon the types of a development. First, we must say, that Siberian development was more extensive than intensive. At first the hunting, then agricultural and forest lands were enlarged. Rich stones, coal, oil and other minerals were extracted. All that needed large investments.

At present from year to year the output of industrial products is intensified, moreover, these products are rather complex and have good quality. And there is a great demand for these products at the domestic and foreign market. But the economy has still an extensive

character. And even now we may note the features of a clonial approach to the use of natural resources.

The development of Siberia has from the initial stage a sign of autarky. First, the Moscow Government didn't admit the foreigners to Siberian furs and later - silver. Nowadays the scale of international co-operation, due to the use of natural resources of the region, was restrained by a dogmatic approach of the Russian side and discrimination - of the Western side.

Main approaches of activity on the development of Siberia, its results have to be regarded as a complex and contradictory process, with its rises and falls, successes and failures, realized and lost opportunities, present achievements and future problems. The goals put forward were realized by the Government, special departments, such as Siberian Order, and later - by ministries, companies and firms, councils and certain outstanding persons, for example, the leader of Cossacks, who began the process of Siberian joining to the Russian State, Ermak, travellers - S. Dezhnev, I. Pokhobov, E. Khabarov, businessmen - The Vtorovs and the Sibiryakovs, an outstanding explorer of the region - Academician V.A. Obruchev, the chairman of Siberian "Sovnarhoz" - P.I. Voevodin, the chief of Bratsk hydroelectric power station - I.I. Naymushin and many others. Their activities need a special study, as the problem of labour supply of new developing regions.

All spheres of activity in the development of Siberia may be divided into 5 : the sphere of material production, then - demographic, social, spiritual, socio-political one. A special study should be done for each of the spheres. So we confine ourselves to a principal approach to their study. The essence of it is that history is regarded as a purposeful activity of a man.

To sum up the four-hundredth experience of Siberian development, we come to a conclusion that half a century was needed for its joining, two and a half - for settling and only the last century was marked by the intensive economic progress. It began from the days of Trans-Siberian railway, but flourished under the influence of the socialist drive in the country and modern scientific and technical revolution in the world.

At present Siberia takes one of the leading positions in the

USSR economy. It produces more products than all union republics, except the Ukrainian SSR and the Central economic region of the RSFSR. Having less than 9% of population, it produces 11% of all social product and about 12% of national income of the country. Siberia produces 2/3 of Soviet hydrocarbons, more than 1/3 of coal, over 1/4 of wood and the largest share of non-ferrous and rare metals, machine-building products and chemical filament.

At the same time its development is characterized by serious contradictions. Together with the strengthening of its economic potential and its role in the all-union economy, disproportion between different branches, as social and territorial disproportions, Siberia loses a previous superiority of rates of its development as regards the USSR as a whole. During the eighth 5-year plan the overtaking coefficient of average annual rates of income increase of Siberian industry was 2,21 over the all-union one, but during the eleventh 5-year plan they became equal. And without taking into consideration the development of the West Siberian oil and gas complex we may claim the lagging behind all-union indices. The reasons are the same as for the whole country.

If we try to correlate the goals and results of activity in Siberian development, we'll get a parallelogram of forces where the resultant is the effectiveness of its development. It's very difficult to define it exactly; it's possible only in expert way. The scale and exceptionality of natural resources of Siberia during the whole history of its development made the superiority of the results over the costs. In the 80s of the 20th century the produced gross national product was 18 billion rubles higher than the used one. Labour productivity in Western Siberia was 40% higher than average all-union productivity, it was because of good exploitation conditions of raw materials.

Production costs were also much higher than social. Despite a remote position, severe natural and climatic conditions, expenses of social infra-structure of Siberia from one century to another remained to be disproportionately small in comparison with production expenses. It always led to social tension and moral expenses and a reverse migration as a result. Out of 3,7 million people who

migrated to Siberia from 1906 to 1914 about 1 million came back. After the great pilgrimage of people to Siberian construction sites in the 50-60s there was a reverse flow because of bad social and living conditions. From 1961 to 1973 Siberia lost 1 million people. That pendulum with a great amplitude of oscillations was too expensive for the government and people. As a result the region remains to be sparsely populated. During the life of many generations Siberia was a reserve territory of the Russian State not only because of a large amount of free lands and natural resources, but as the area of virgin lands. At present the situation is quite different. The economic development comes to a contradiction with the environment. For filling up the Bratsk reservoir a two-years flow of such powerful river as the Angara was necessary. The dam of Irkutsk hydro-electric power station raised the level of the largest lake in the world, Baikal, for almost 1 mtr up, which led to the coast line transformation with all negative consequences for the river's animals and fish. The most important problem of our days is a protection of the Baikal Lake, which includes 1/5 of the world stock of fresh water.

The main reason of its pollution is an industrial flow and atmospheric wastes of the Baikal pulp and paper factory. The damage from this factory is many times more than the price of its products. At present all round Siberia there is a large campaign for the environmental protection, which is more effective at times of democracy and glasnost in the Soviet society.

Despite the objective difficulties and mistakes made during Siberian development, its growing expenses and an ecological threat, it may be justified to a certain extent. At present the results of the regional development are adequate to urgent social needs. Naturally, Siberia may produce much more and there is a need for this, but under the modern technological level of Soviet production and of social infra-structure of the region, it is difficult to achieve as concerns financial conditions and ecological security.

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Актуальность изучения данной проблемы объясняется тем, что в панораме мировых событий динамичного XX в. все чаще и ярче мелькают кадры периферийных районов планеты. Они активно выходят на авансцену истории. В отличие от эпохи великих географических открытий эти районы уже никого не удивляют своей отдаленностью, а прочно входят в повседневную жизнь миллионов людей давно обжитых территорий. Они поставляют нефть, газ, металлы, нередко благородные, древесину и пушнину, а иногда и просто чистую воду. Глобальные общечеловеческие проблемы все туже переплетаются с региональными.

Экономическая, политическая и стратегическая роль таких районов широко известна, но их социально-экономическое развитие исследовано слабо. Между тем, все большая зависимость населения цивилизованных стран от поставок сырья и энергоносителей из районов нового освоения настоятельно выдвигает задачу их всестороннего изучения с целью прогнозирования перспектив. К тому же, интенсивное вовлечение таких районов в хозяйственный оборот, как правило в экстремальных природно-климатических условиях, требует обобщения исторического опыта их освоения и обмена им между заинтересованными странами.

Такая работа пока ведется слабо. Вообще, с нашей точки зрения, исторический опыт изучается недостаточно плодотворно не только на материалах районов нового освоения, а и по многим другим проблемам. Он часто отождествляется с историческим знанием, что не всегда совпадает. Имея единое объективное основа-

ние в реальном историческом процессе, эти категории предполагают разные целевые подходы к его осмыслению и соответственно различные результаты исследования. Исторический опыт можно рассматривать как часть исторического знания, ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. По своей сути исторический опыт представляет собой преемственность знаний и умений поколений, целесообразно отобранные и системно проанализированные сведения, необходимые для осмысления непосредственных практических задач, стоящих перед обществом на данном этапе.

Такой подход позволяет осмысливать историческую ситуацию не просто как данность, а как сложную, вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, то есть исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты общественного развития. Исторический опыт редко подсказывает законченное решение насущных проблем современности, еще меньше содержит готовых рецептов и возможностей прямого сопоставления прошлого с настоящим. Поэтому обобщение исторического опыта предполагает не столько проведение прямых аналогий или воспроизведение прошлых моделей социальной действительности, сколько использование аналогий позитивных и негативных путей решения данной проблемы. А то, что сегодня представляется несущественным с точки зрения исторического опыта, завтра может стать актуальным. Следовательно, границы изучения исторического опыта очень подвижны, а полученные результаты относительны, но без их учета затруднен выбор оптимальных решений на перспективу. Более того, исторический опыт может выполнять прогностическую функцию при условии правильного понимания взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим.

Важной предпосылкой изучения и использования исторического опыта функционирования крупных социально-экономических общностей является локализация во времени и пространстве их составных частей, что в частности имеет принципиальное значение для построения теоретических моделей регионального развития. С точки зрения обобщения исторического опыта райо-

нов нового освоения ценнейший, во многом уникальным материал предоставляет Северная Азия, конкретнее – Сибирь. Занимая около 10 млн. квадратных километров, она составляет почти четверть территории самой обширной части света. Это регион суровых климатических условий и богатейших природных ресурсов, мощного индустриального развития. Его освоение прошло долгий, трудный и поучительный путь.

Общепризнанного понятия "освоение" в исторической литературе не существует. Чаще всего под ним понимается приобщение к активному экономическому развитию ранее отсталых районов. Но этим общим положением нельзя ограничиться, потому что не может быть полноценного освоения без создания социальной инфраструктуры. Видимо, правильнее утверждать, что освоение – это овладение регионом и сохранение его под определенной юрисдикцией, разностороннее изучение, интенсивное вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов, заселение и обживание территории мигрантами, культурные инновации.

Какую территорию можно считать освоенной? Однозначный ответ на данный вопрос затруднен. Он зависит от масштабов территории, времени и уровня освоения. Одно дело – освоение территории Бельгии или Дании, другое дело – США и России в разные исторические эпохи. В наши дни американский запад можно считать освоенным. Несмотря на большую территорию, к настоящему времени он сильно развит в экономическом отношении и оптимально заселен. А Сибирь? В определенной степени освоена, и по некоторым показателям превосходит даже американский запад. Однако это касается только отдельных очагов – Кузбасса, Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса и некоторых других промышленных узлов, которые по своей территории превосходят целые государства. Между тем, существует немало столь же крупных районов, которых пока не коснулась современная цивилизация.

Для того, чтобы объективно оценивать уровень освоения, необходимо дать его типологию. Исторический опыт освоения новых районов свидетельствует, что большинство из них последовательно прошло три стадии: промышленную, аграрную, индуст-

риальную. Конечно, на разных исторических этапах, да и в современных условиях можно наблюдать переплетение этих стадий, но, как правило, одна из них была наиболее типичной для определенного периода. С точки зрения плотности хозяйственного освоения и заселения, выделяется два типа: сплошной и очаговый. Чаще всего очаговый переходит в сплошной, но не всегда. В некоторых особенно отдаленных и труднодоступных районах надолго остаются разрозненными очаги хозяйственной деятельности.

Задача данного доклада заключается в том, чтобы с позиций программно-целевого подхода проанализировать основные черты исторического опыта освоения такого крупного и интенсивно развивающегося региона как Сибирь, сосредоточив главное внимание на свершениях XX в., поскольку они оказали решающее влияние на этот процесс. Объект исследования в целях однозначной интерпретации основных понятий, рассмотренных выше, можно отождествить с историей формирования, развития и использования социального потенциала региона, то есть как совокупность ресурсов, возможностей и средств, которые находятся в распоряжении общества и используются для своего воспроизводства и развития. В силу ограниченности объема данного текста не представляется возможным расчленить названный потенциал на его составляющие и детально их охарактеризовать.

Предметом анализа является социальная деятельность, социальная практика по освоению региона, что в частности предусматривает соотнесение целей и результатов деятельности, оптимальности конкретного выбора целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Такое определение предмета исследования позволяет интерпретировать цель доклада как ретроспективный анализ основных закономерностей формирования исторического опыта освоения Сибири, деятельности общества по формированию, развитию и использованию социального потенциала региона. Это предполагает решение следующих познавательных задач.

Во-первых, выявление внутривнутриполитических и внешнеполитических потребностей освоения региона. Во-вторых, характерис-

тика процесса осознания потребностей, выбора целей, средств и способов их достижения. В-третьих, исследование главных направлений деятельности по освоению и оценка ее результатов.

Освоение Сибири в широком смысле этого слова, или ее колонизация, началась с конца XVI века со времени присоединения к России. За четыре столетия неоднократно менялись причины и следствия этого процесса, средства и способы достижения целей, направления деятельности общества по их реализации, но при всем том проявлялись некоторые общие закономерности, как позитивные, так и негативные, которые следует учитывать в современной и будущей социальной практике, не только в Северной Азии, но и в других новоосваиваемых регионах мира.

Потребность освоения Сибири зависела как от внутривнутриполитических, так и внешнеполитических обстоятельств, но в отличие от многих других новоосваиваемых районов мира и России, в частности, здесь преобладали внутривнутриполитические причины. Конечно, одним из первоначальных толчков к освоению Сибири послужила необходимость обезопасить восточные границы государства от угрозы со стороны Сибирского ханства Кучума, которое представляло собой осколок татаро-монгольской Золотой Орды. В дальнейшем восточные рубежи России, пролегающие вдоль сибирской территории, приходилось неоднократно защищать от Китая и Японии. Сама Сибирь иногда служила плацдармом для экспансии в восточном направлении. В середине XVII в. русские землепроходцы вышли к берегам Северной Америки и основали там свои поселения. Даже высказывалась идея сделать Тихий океан внутренним морем России. В конце XIX в. она вторглась в Маньчжурию. Однако не эти единичные и недолговечные прецеденты определяли суть освоения Сибири. Главное заключалось в использовании ее природных богатств, сначала мехов, затем драгоценных металлов и земельных угодий, а в настоящее время преимущественно сырьевых и энергетических ресурсов. В 40-50-е гг. XVII в. среднегодовая добыча соболя в Сибири равнялась 145 тыс. штук. Пушнина составляла 20% доходной части государственного бюджета России. По мере истощения пушных

зверей их промысел уменьшался, падал удельный вес пушнины в доходах казны. И тем не менее Сибирь оставалась крупнейшим в мире поставщиком мехов. По данным всемирной выставки в Вене (1910 г.), на ее долю приходилось свыше $2/5$ стоимости мировой добычи пушнины.

Плодородные земли Сибири располагали к хлебопашеству и скотоводству. Уже к концу XVII в. здесь собиралось почти 4 млн. пудов хлеба в год. По мере расширения посевных площадей и совершенствования агротехники сибирское крестьянство не только удовлетворяло потребности в хлебе местного населения, но и создало резерв для его вывоза за пределы края. В начале XX столетия ежегодно вывозилось 20 млн. пудов. По количеству скота на душу населения Сибирь в начале XX в. вдвое, а по некоторым видам втрое превосходила европейскую Россию и занимала одно из первых мест в стране.

С давних пор одним из главных мотивов освоения Сибири было овладение богатствами ее недр. На первых порах внимание сосредотачивалось на извлечении драгоценных металлов. В первой половине XIX в. один Алтайский горный округ получал серебра больше, чем Англия, Франция, Швейцария, Пруссия и Бельгия вместе взятые. На смену "серебряному" веку пришел "золотой". В середине XIX в. среднегодовая добыча золота в Сибири приблизилась к полуторам тысячам пудов. К концу века она поставляла 90% российского золота. В XX в., преимущественно со второй его половины, главное внимание сосредоточилось на получении сырьевых и энергетических ресурсов в особо крупных размерах. Сибирь превратилась в одного из главных поставщиков руд черных и цветных металлов, нерудных ископаемых, угля, нефти и газа, а также леса. Особый размах получило развитие топливно-энергетического комплекса. В настоящее время здесь обеспечивается $2/3$ общесоюзной и $1/5$ мировой добычи нефти и газа.

Несмотря на явный приоритет внутригосударственных потребностей освоения Сибири, важную, хотя и подспудную роль играли внешнеполитические факторы. В XVII, да и последующих веках крупное значение во внешней торговле и дипломатии имели сибирские меха. В XVII и XIX вв. сибирское золото и серебро

играли не последнюю роль в оплате военных расходов Российской империи. На рубеже XIX и XX вв. транспортное освоение Сибири получило заметно выраженный внешнеполитический акцент, что прежде всего связано с сооружением Транссибирской магистрали, которая сыграла важную роль в войне с Японией.

Еще более выраженный внешнеполитический подтекст носило индустриальное освоение Сибири в XX в. С 30-х гг., когда начали обостряться отношения СССР с Германией на западе и Японией на востоке, Сибири стала отводиться роль внутреннего бастиона советской власти. Наиболее ярко это проявилось в создании Урало-Кузнецкого комбината, который в годы второй мировой войны принял на себя основное бремя поставки вооружений и стратегических материалов для военной экономики.

Война явилась катализатором экономического развития региона. Его доля в общесоюзном объеме капитальных вложений поднялась с 7% в 1940 г. до 18% в 1942 г. В суровом и ответственном для судьбы страны 1942 г. Сибирь дала около трети общесоюзного производства чугуна, свыше четверти стали и проката, почти половину кокса и треть марганца, а вместе с Уралом почти полный объем этой ценнейшей продукции. В целом за годы войны промышленное производство в Западной Сибири увеличилось почти в три раза, а в Восточной — в полтора раза. Рост происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии. Только один из сибирских авиационных заводов дал 15 тыс. самолетов, т.е. каждый десятый советский самолет военных лет. Для сравнения можно заметить, что США и Англия поставили в СССР за годы второй мировой войны 18 тыс. самолетов.

В условиях "холодной войны", когда СССР добивался стратегического паритета с США, советская экономика, работающая с большим напряжением, значительную часть ресурсов черпала в Сибири. Резко интенсифицировалась добыча черных и цветных металлов, особенно редкоземельных. Широкое развитие получили энергоемкие и химические производства, развернулась крупномасштабная добыча алмазов, что сыграло важную роль в увеличении валютных поступлений. Еще большее значение в этом

плане имели поставки за рубеж сибирской нефти и газа. Выразить все это в конкретных достоверных цифрах пока еще трудно, но совершенно очевидно, что огромные сибирские ресурсы оказали существенное влияние на выработку и осуществление внешней политики советского государства. Особенно рельефно это проявилось во время мирового энергетического кризиса начала семидесятых годов, событий вокруг Персидского залига и, конечно же, в связи с гигантскими поставками сибирского газа в Европу. Место Сибири в мирохозяйственных связях будет достаточно полно определено, если не учесть снабжение ее сырьем и готовой продукцией стран третьего мира.

Наряду с советско-американским противостоянием на процесс освоения Сибири заметное влияние оказала ситуация в азиатско-тихоокеанском регионе, прежде всего отношения с Китаем. На первых порах, когда эти отношения носили дружественный характер, социально-экономическому развитию восточных районов СССР ничто не препятствовало, более того, намечались совместные проекты, например, строительство гидроэлектростанций на Амуре. По мере обострения отношений просыпались две противоположные тенденции. С одной стороны, в связи с претензией маоистского руководства на сибирские и дальневосточные территории ускорялся процесс их промышленного и транспортного освоения, а также заселения. В определенной мере этому способствовало строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и осуществление некоторых других проектов, хотя сами по себе они возникли задолго до того, как мир узнал имя Мао Цзе-дуна, и исходили из внутренних потребностей государства. С другой стороны, огромные средства, которые потребовались на укрепление советско-китайской границы, отвлекали капитальные вложения, необходимые для освоения и обживания восточных территорий СССР. В результате этот процесс шел трудно, с большим напряжением и с боями.

Ретроспективный анализ взаимодействия внутривнутриполитических и внешнеполитических потребностей освоения Сибири показывает, что преобладали первые, но они почти всегда осложнялись вторыми, что вело к значительным издержкам. Важным

уроком изучения исторического опыта определения потребностей освоения Сибири является то, что оно во внешнеполитическом плане чаще проходило на фоне конфронтации, чем экономического сотрудничества, а когда такое и проявлялось, то вело к парадоксам. Если в начале XIX в. Россия за сибирское масло на мировом рынке получала больше золота, чем его добывалось в знаменитых сибирских рудниках, что сильно стимулировало данное производство, то в конце века огромные поступления валюты за сибирские углеводороды не только не способствовали развитию экономики, в частности сельского хозяйства, а наоборот, привели к его упадку в определенной степени за счет беспрецедентных закупок хлеба за границей.

Осознание потребностей освоения Сибири, выбор целей, средств и способов их достижения зависели от задач, стоящих перед обществом в конкретную историческую эпоху, его возможностей, а также степени изученности региона, но в связи со спецификой края они по ряду позиций нередко перекликались. Осознание потребностей освоения Сибири проходило в разных слоях общества по-своему. Правящие классы и соответствующие государственные структуры исходили из необходимости увеличения территории страны, обороны ее рубежей, расширения внутреннего и внешнего рынка. Народ видел в движении за Урал путь к свободе. Примечательно, что, несмотря на меняющиеся социально-экономические уклады, такая поляризация мнений сохранялась практически на всем протяжении освоения региона.

Правительство на начальном этапе освоения, стремясь обезопасить восточные границы государства, без большого труда захватило огромные территории, которые никому, кроме мелких раздробленных племен, не принадлежали. За первые три четверти века движения за Урал оно отодвинуло восточные рубежи России более чем на 7 тыс. верст, или на три четверти расстояния от столицы. Этот процесс шел настолько стремительно, что его не успевали осмысливать правительственные чиновники.

Со временем стало ясно, что удержать эти земли военной силой не удастся, потому что они слишком обширны и далеко отстоят от метрополии. Со всей остротой встал вопрос о необ-

ходимости их заселения и хозяйственного освоения. Дальнейшая судьба Сибири была тесно связана с развитием Российского рынка. Её роль на этом рынке проявлялась по-разному в зависимости от конъюнктуры, но в конечном счете определялась поставкой сюда готовых изделий и вывоза сырья.

С установлением советской власти была сделана попытка принципиально переосмыслить роль Сибири в общественном разделении труда. Исходной посылкой в этом процессе стала концепция рационального размещения производительных сил и выравнивания уровня экономического развития ранее отсталых районов. Путем последовательного приближения к цели в результате борьбы мнений в высшем эшелоне власти, научных дискуссий и массовой пропаганды она дала свои результаты. В общественном сознании прочно укрепилась мысль о том, что природные богатства региона позволяют создать здесь мощную индустриальную базу, которая превратит его из сырьевого придатка центра в процветающий, гармонично развивающийся район. На этом поприще были достигнуты значительные успехи, но преодолеть сырьевую направленность экономики, достигнуть гармоничного развития Сибири пока не удалось.

В настоящее время в условиях нового политического мышления предпринимаются шаги к переосмыслению путей развития региона. Речь идет о гармонизации добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности, производства и социальной инфраструктуры, отношений между странами азиатско-тихоокеанского региона, замене политической и экономической конфронтации международным сотрудничеством на поприще использования сибирских ресурсов.

Народ пронес через многие поколения представления о Сибири как о суровом, но благодатном крае, где можно реализовать свои возможности, добиться большей экономической, политической и интеллектуальной свободы. Первыми обратили свой взор к Сибири казаки — люди свободолюбивые, решительные, нередко находившиеся в неладах с законом и официальной властью в европейской части страны. За ними последовали промышленники-охотники. Затем в поисках земли и воли, спасаясь от помещичьей кабалы, устремилось крестьянство, которое ста-

ло основной силой освоения Сибири. По мере открытия полезных ископаемых предпринимателями и мастеровыми людьми осмысливалась перспективность освоения ее недр. Этот процесс шел с подъемами и спадами, приобретая нередко формы "золотых" и иных лихорадок. Сибирь манила людей независимых суждений, несогласных с официальной политической или религиозной доктриной. Сюда по доброй и недоброй воле отправлялись интеллектуалы и религиозные фанатики. Яркий пример тому — старообрядцы, раскольники. Все это вместе взятое явилось основой осознания вольной колонизации Сибири в XVI — XIX вв.

А имел ли место аналогичный процесс в XX в., особенно после социалистической революции в России? На первый взгляд создается впечатление, что в условиях тотального огосударствления такого не могло быть. На самом деле народный интерес к Сибири оставался. В революцию и гражданскую войну сюда двинулись тысячи людей, не согласных с новым режимом, стремившихся укрыться в таежной глуши и найти новое применение своим силам. В начале 20-х гг. Сибирь приняла множество беженцев из голодающих губерний центральной России. В период индустриализации на сибирские стройки прибывали десятки тысяч людей, движимых романтикой новой жизни, а то и просто бежавших от насильственной коллективизации. В годы второй мировой войны сотни тысяч граждан искали укрытие в Сибири от фашистского нашествия. Разумеется, здесь они работали, способствуя её освоению. В послевоенную эпоху, когда развернулось массовое строительство промышленных объектов, началась целинная эпопея, миллионы людей, особенно молодежи, были увлечены Сибирью, стремясь найти здесь хорошие заработки, получить жилье, утвердиться в жизни, уйти от бюрократического, а нередко и политического гнета. Сюда стремились не только рабочие и крестьяне, но и интеллигенция, в частности научная, которая создала один из выдающихся мировых центров науки — Сибирское отделение АН СССР.

Е. Бор целей освоения определялся потребностями и возможностями общества в конкретный исторический период, но их осуществление всецело зависело от реальности этого выбора. Рассмотреть в одном докладе механизм выбора и реализации це-

лей на протяжении столетий не представляется возможным. Ограничимся наиболее важными, выделив три сферы: военно-стратегическую, экономическую и духовную.

Первоочередной целью всякого освоения является надежное закрепление завоеванных или относительно мирно присоединенных территорий. Она присутствовала на всех этапах освоения Сибири, но проявлялась в специфических формах, соответствующих конкретным ситуациям. Для более четкого рассмотрения этой проблемы разделим цели на реальные и нереальные. Несмотря на чрезвычайно трудные ситуации в отдельные периоды, России на протяжении более четырехсот лет удалось держать за собой территории собственно Сибири, потому что этому содействовали естественно-географические, конкретно-политические и экономические причины. Цель оказалась вполне реальной. Но как только она переходила границы реальности, так обрекалась на провал. Неудачей окончились попытки раздвинуть границы русского фронта до Американского континента в XVIII – первой половине XIX вв., в сторону Китая в конце XIX в.

В экономической области первоначальной целью было получение пушнины. Она тщательно осуществлялась в хорошо продуманных и в конечном итоге оправдавших себя формах. Затем встала цель обеспечения края продуктами питания, которая реализовалась значительно шире, что позволило не только снабжать местное население, но и вывозить в большом количестве хлеб, масло и мясо за пределы региона. В XX в. на первый план вышли цели индустриального освоения. Наиболее ярко они воплотились в четырех крупных программах национального значения – Урало-Кузнецкой, Ангаро-Енисейской, Западно-Сибирской нефтегазовой и Байкало-Амурской. Борьба идей вокруг этих программ, определение приоритетов и механизма их реализации, итогов осуществления требуют специального рассмотрения.

Настала пора поставить вопрос о целях духовного освоения края. Они тесно увязывались с господствующими в свое время идеологиями: до 1917 г. – с христианством, а после – с коммунизмом. Обращение народов Сибири в христианскую веру

не только подчиняло их государственной религии и соответствующим структурам власти, но и приобщало к более высоким культурным ценностям, что имело прогрессивную направленность для своего времени. Коммунистическая идеология проводила идею социального и национального равенства, пролетарского интернационализма, что имело принципиальное значение в условиях исключительных трудностей широкомасштабного освоения многонациональной Сибири в советское время.

Способы освоения в широком смысле слова условно делятся на две большие группы: добровольные и насильственные, главным образом, в зависимости от характера присоединения территории и пути привлечения рабочей силы. Присоединение России к Сибири шло как насильственным, так и мирным путем. Первые лаги русских казаков в Западную Сибирь встретили отчаянное сопротивление Сибирского ханства. Восточная Сибирь была присоединена практически без сопротивления её народов. Особенность колонизации Сибири заключалась в том, что здесь, в отличие от многих районов мира, коренное "туземное" население физически не истреблялось и принудительно не ассимилировалось, не загонялось в резервации. В этом не было необходимости, так как наличие огромного фонда свободных земель не создавало ограничений в их пользовании. Кроме того, аборигенное население являлось ведущим поставщиком пушны, и его вековой опыт в этом специфическом деле приходилось ценить.

Заселение Сибири на первых порах осуществлялось главным образом служилыми людьми и вольными хлебопашцами. К началу ХУП в. численность русского населения достигла 300 тыс. человек, сравнявшись с количеством аборигенов. В дальнейшем население края пополнялось главным образом за счет различного рода переселений добровольного характера. Только за 1906-1917 гг. сюда прибыло около 4 млн. человек, однако это не означало, что в Сибирь люди не водворялись силой. К началу XX в. здесь насчитывалось свыше 250 тыс. ссыльных. Они использовались на самых тяжелых работах. Царская ссылка сыграла заметную роль в освоении региона.

В XX в. заселение Сибири резко интенсифицировалось. Во

второй половине 20-х гг. сюда прибыло около 1 млн. малоземельных крестьян центральной полосы СССР. В 30-е гг. с началом индустриализации поток переселенцев увеличился в несколько раз. Между переписями 1926 и 1939 гг. население региона выросло более чем на четверть. Серьезные коррективы в этот процесс внесла вторая мировая война. На фронт ушло свыше 3 млн. человек или пятая часть от общей численности жителей Сибири накануне фашистского нашествия. Навстречу хлынула волна беженцев из оккупированных районов европейской части страны. К началу 1943 г. прибыло около 1 млн. эвакуированных, но к концу войны они почти все вернулись назад. В конечном итоге война не способствовала приросту населения Сибири.

Характеризуя вольный наплыв населения за Урал, нельзя забывать о заключенных. Уже в конце 1932 г. на Колыме их насчитывалось 10 тыс., а к 1 января 1939 г. этот контингент вырос до 117 тыс., причем рост осуществлялся в значительной мере за счет политических. Если на начало 1937 г. лагерники с бытовыми статьями составляли 48%, то к началу 1938 г. этот процент снизился до 12%. В начале войны количество заключенных поднялось до 148 тыс. (на 1 января 1942 г.), а к её концу снизилось до 90 тыс. (на 1 января 1945 г.). С 1949 г. снова начался рост. По отчету Дальстроя НКВД СССР, на 1 апреля 1953 г. в исправительно-трудовых лагерях значилось 145 тыс. человек.

В декабре 1953 г. в Хабаровском крае отбывали срок наказания 52 тыс. человек, осужденных за контрреволюционные преступления, в Иркутской области - 47 тыс., Красноярском крае - 33 тыс., Омской области - 15 тыс., Кемеровской - 8 тыс. Кроме того, находились в ссылке в Красноярском крае - 30 тыс. человек, Новосибирской области - около 4 тыс. человек. Принудительный труд, разумеется, сыграл свою роль в освоении восточных районов, особенно труднодоступных с тяжелыми климатическими условиями. Но надо иметь в виду, что он применялся только на отдельных предприятиях горнодобывающей и лесозаготовительной промышленности, на строительстве. Абсолютное большинство заводов и фабрик, других промышленных

заведений и учреждений использовало труд свободных людей. Следовательно, ни до, ни после Октябрьской революции 1917 г. принудительный труд не играл решающей роли в освоении восточных территорий государства.

За столетия накоплено множество способов хозяйственно-го освоения, но рассмотреть их подробно в нашем докладе не представляется возможным. Поэтому остановимся не столько на способах, сколько на типах освоения. Прежде всего приходится констатировать, что освоение Сибири от одной эпохи к другой идет больше экстенсивно, чем интенсивно. Сначала беспредельно расширялись охотничьи, потом сельскохозяйственные, а затем лесные угодья. Из недр поэтапно до полуистощения извлекались драгоценные металлы, уголь, нефть и другие полезные ископаемые. При этом, как правило, требовались крупные капитальные вложения. В наши дни с каждым годом интенсифицируется выпуск готовой промышленной продукции, причем сложной и высокого качества, пользующейся большим спросом на внутреннем и внешнем рынке, но экстенсивный характер экономики пока ещё не преодолен. Так же как не до конца изжиты элементы колониального подхода к использованию природных ресурсов.

Освоение Сибири изначально несет печать автаркичности. Сначала московское правительство не допускало иностранцев к сибирской пушнине, затем — к серебру, а потом и к другим природным ресурсам. В наши дни масштабы международного сотрудничества на почве использования природных ресурсов региона долгое время сдерживались догматическим подходом с советской стороны и дискриминацией — с западной.

Главные направления деятельности по освоению Сибири, её итоги и результаты необходимо рассматривать как сложный и противоречивый процесс, с подъемами и спадами, удачными решениями и явными просчетами, реализованными и упущенными возможностями, сегодняшними свершениями и завтрашними проблемами. Намеченные цели реализовывались правительством, специальными ведомствами, например, Сибирским приказом, позднее — министерствами, компаниями и фирмами, советами, отдельными выдающимися личностями, такими как предводитель казацкой

дружинн, начавшей присоединение Сибири к русскому государству, Ермак, землепроходцы С.Дежнев, И.Похабов, Е.Хабаров, предприниматели Второвы и Сибиряковы, выдающийся исследователь края академик В.А.Обручев, председатель сибирского совнархоза П.И.Воеводин, начальник строительства Братской ГЭС И.И.Наймулин и многие другие. Их деятельность требует специального изучения, как и в целом проблема обеспечения к драми вновь осваиваемых территорий.

Весь спектр деятельности по освоению Сибири можно условно разделить на пять основополагающих сфер: материального производства, демографическую, социальную, духовную, социально-политическую регуляции. Для рассмотрения каждой из них потребуются специальная монография и ни одна. Поэтому мы ограничимся лишь принципиальным подходом к их освещению. Его суть заключается в том, что при всей детерминированности направлений общественного развития объективными, материальными условиями жизни людей, их прошлой опредмеченной деятельностью, история не может мыслиться иначе как целенаправленная деятельность человека.

Подводя итоги четырехсотлетнего опыта освоения Сибири, можно сделать вывод, что в среднем полвека ушло на присоединение, два с половиной — на заселение и обживание и лишь последнее столетие ознаменовалось интенсивным экономическим прогрессом. Начался он с проведения Транссибирской железнодорожной магистрали, но современное звучание получила под влиянием социалистических преобразований в стране и современной научно-технической революции в мире.

В настоящее время Сибирь занимает одно из ведущих мест в экономике СССР, превосходя по объему производимой продукции все союзные республики, за исключением Украинской ССР и уступая в Российской Федерации лишь Центральному экономическому району. Располагая менее чем 9% населения, она производит 11% общественного продукта и около 12% национального дохода страны. Сибирь дает две трети советских углеводородов, более трети угля, свыше четверти древесины и пиломатериалов, значительную часть цветных и редких металлов, машиностроения и химического волокна.

Вместе с тем ее развитие характеризуется серьезными противоречиями. При несомненном усилении её экономического потенциала и роли в общесоюзной экономике растут межотраслевые, территориальные и социальные диспропорции. Она теряет былое преимущество в темпах своего развития по отношению к СССР в целом. Если в восьмой пятилетке коэффициент опережения среднегодовых темпов прироста промышленной продукции Сибири над среднесоюзными составлял 1,21, то в одиннадцатой пятилетке они сравнялись. А без учета развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса можно констатировать отставание от среднесоюзных показателей. Причины такого положения в основном те же, что и для всей страны.

Если попытаемся соотнести цели и результаты деятельности по освоению Сибири, то получим параллелограмм сил, где равнодействующей будет эффективность освоения. Её трудно выразить в строгих цифрах, хотя бы потому, что их невозможно получить за многие столетия. Экспертным путем можно установить соотношения между затратами и результатами, между производственными и социальными издержками, между благами общества и ущербом природе.

Масштабы и уникальность природных богатств Сибири на всех этапах её освоения обеспечивали значительное производство полученных результатов над понесенными затратами. В 80-е гг. XX в. произведенный национальный продукт примерно на 18 млрд. руб. превышал используемый. Производительность труда в Западной Сибири на 40% превосходила среднесоюзный уровень, что объяснялось в первую очередь благоприятными условиями эксплуатации сырьевых ресурсов.

Производственные издержки также всегда были значительно выше, чем социальные. Несмотря на отдаленность и суровые природно-климатические условия, расходы на социальную инфраструктуру Сибири от одной эпохи к другой остаются непропорционально малыми по сравнению с производственными, что ведет к социальной напряженности и моральным издержкам, влияющим прежде всего в обратную миграцию. Из 3,7 млн. человек, переселившихся в Сибирь в 1906 – 1914 гг., назад вернулось около 1 млн. человек. После большого паломничества на строй-

ки Сибири в 50-60-е гг. в связи с неблагоприятными социально-бытовыми условиями начался значительный отток населения. За 1961-1973 гг. она "потеряла" более 1 млн. человек. Такой маятник с большой амплитудой колебаний дорого обходится правительству и народу. В результате регион остается слабо-заселенным.

При жизни многих поколений Сибирь оставалась резервной территорией русского государства не только из-за наличия свободных земель и богатств её недр, но и как край девственной природы. Ныне ситуация круто меняется. Хозяйственное освоение все больше приходит в противоречие с окружающей средой. Масштабы воздействия человека на природу приближаются к геологическим. Для заполнения Братского водохранилища пришлось удержать двухлетний сток такой могучей реки как Ангара. Плотина Иркутской ГЭС подняла уровень самого крупного в мире пресноводного озера Байкал почти на метр, что привело к переформированию береговой линии на большом протяжении со всеми негативными последствиями для его обитателей. Особую остроту приобрела охрана Байкала, в котором сосредоточена пятая часть мировых запасов пресной воды. Основным источником его загрязнения являются промышленные стоки и атмосферные выбросы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. По ориентировочным подсчетам ущерб от комбината много превышает стоимость его продукции. В настоящее время по всей Сибири развернулась мощная кампания в защиту природы, которая в условиях расширяющейся гласности и демократизации советского общества начинает приносить свои плоды.

Несмотря на естественные трудности и допущенные ошибки в освоении Сибири, его возрастающую цену и экологическую угрожаемость, оно до определенной черты остается оправданным. В настоящее время результаты освоения региона в принципе адекватны назревшим общественным потребностям. Конечно, Сибирь может дать значительно больше, и в этом есть потребность, но при современном технологическом уровне советского производства и степени развития социальной инфраструктуры региона, большего достичь трудно как по условиям финансирования, так и экологической безопасности.

V. V. ALEKSEEV

THE DEVELOPMENT OF SIBERIA: HISTORICAL
EXPERIENCE AND THE PRESENT

В. В. АЛЕКСЕЕВ

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Формат 60x90 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,1. Учет.- изд. л. 1,9. Тираж 200 экз. Заказ 1304

© Институт истории и археологии УрО АН СССР
620219, Свердловск, ГСП-340, ул. Р. Люксембург, 56
ИО "Полиграфист"
Свердловск, ул. Тургенева, 20